

В. Бондаренко

ФРЕЙМ-АНАЛИЗ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ВЫБОРЕ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: МАТЕРИАЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья представляет собой материалы социологического исследования. В ней анализируются дискурсы о детской книге, представленные в родительской и экспертной среде. Выделяются два конкурирующих фрейма, определяющих предпочтения в выборе детской художественной литературе — консервативный и либеральный. В качестве теоретико-методологической рамки выступают фрейм-анализ текста (Р. Этнман) и теория социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман).

Ключевые слова: социология, фрейм-анализ, детская литература.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Изучением детской литературы занимаются несколько дисциплин: с одной стороны, это литературоведение и лингвистика, с другой — педагогика, психология и социология. Что касается социологического поля, то можно назвать исследования массовой литературы [Спиридонов 2011], «скрытой повестки» учебных планов [Поклонников 2012], литературной социализации [Чудинова 1992]. Исследователи рассматривали вопросы цензуры [MacLeod 2014], идеологии [Sarland 2005] и контроля над детским чтением [Лучкина 2012], особенности рынка детской литературы [Троян Кулюшин 2014] и проблем выбора детской литературы [McNair 2011]. Интересны в данной группе и исследования дискурсивных практик родительства и родительских практик в отношении детского чтения. Например, работа Л. Л. Шпаковской направлена на изучение гражданской ответственности родителей и феномена ответственного родительства, который включает в себя в том числе и чтение ребенку [Шпаковская 2013].

Несмотря на обилие работ по данной теме, изучение выбора родителями детской литературы долгое время оказывалось за рамками интереса социологов.

Исследование, результаты которого приведены в данной статье, посвящено изучению процесса формирования предпочтений в выборе детской художественной литературы. Фактически оно оказывается на пересечении нескольких субдисциплин: социологии семьи, социологии детства и социологии литературы.

Мы рассматриваем формирование родительских предпочтений в выборе дошкольной художественной литературы. Если в школьный период выбор детской литературы жестко регламентирован, поскольку существуют эксплицитные стандарты и требования (в частности, школьная программа), то в дошкольный период выбор литературы кажется обывателю хаотичным процессом, поскольку жизнь дошкольника формально менее институционализована. Стандарты в области чтения детской художественной литературы существуют, если речь идет о детском саду и других дошкольных образовательных учреждениях. Однако, в отличие от школы, посещение детского сада не является обязательным, и в дошкольном возрасте именно родители принимают основные решения по выбору детской литературы для ребенка.

Наш исследовательский вопрос заключался в следующем: какие предпочтения в выборе детской художественной литературы воспроизводятся в высказываниях родителей и экспертов. Иными словами, какие дискурсы о детской книге представлены в родительской и экспертной среде и как эти дискурсы фреймированы.

В качестве теоретико-методологической рамки выступала теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер Лукман 1995], а также фрейм-анализ текста Р. Энтмана [Entman 1993]. Для сбора материала мы использовали сфокусированное интервью. В ходе первого этапа исследования мы беседовали с десятью родителями, имеющими детей в возрасте от 3 до 6 лет. В ходе подготовки была сконструирована типологическая выборка. Нам было важно учесть разнообразие по следующим параметрам: образование (уровень и специализация), материальное положение семьи, состав семьи (количество детей и их половозрастные характеристики); тип семьи: полная/монородительская); возраст. В нашу выборку попали информанты как с высшим, так и со средним образованием в различных областях (гуманитарные и технические профили). По возрастным характеристикам

информанты принадлежали к одной возрастной категории: от 31 до 39 лет как тех, кто родился в Петербурге, так и тех, кто родился в других городах и впоследствии переехал.

В ходе второго этапа мы провели и проанализировали три сфокусированных интервью с экспертами — сотрудником библиотеки, воспитателем детского сада, руководителем интернет-портала по выбору детской литературы. Кроме того, мы задействовали материалы публичных лекций, опубликованные материалы (в частности, нормативно-правовые акты), а также использовали выложенные с свободным доступом интервью, блоги, отзывы к книгам по интересующей нас тематике.

Всего эмпирическая база исследования составляет 32 текста (из которых 22 — интервью) и 15 Интернет-ресурсов, посвященных выбору детской литературы родителями и экспертами.

ВЫБОР ДОШКОЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: РОДИТЕЛИ И ЭКСПЕРТЫ

Мы изучаем выбор дошкольной литературы (а именно книг для детей от трех до шести лет). Очевидно, что его осуществляют преимущественно родители. Когда они выбирают книжки, то на них могут влиять особенности их социализации, их ближайшее окружение, а также мнение экспертов.

Экспертами в области детской литературы мы называем авторов (индивидуальных и коллективных — экспертные сообщества), которые в силу своего образования, опыта работы и/или информированности, с одной стороны, оценивают произведения детской художественной литературы и с другой стороны, дают рекомендации родителям. Прямо или опосредованно эксперты взаимодействуют с родителями, предлагают советы по поводу того, что следует читать ребенку, аргументируют свои представления и, тем самым, оказывают влияние на выбор родителями детской литературы.

Экспертами являются, во-первых, издательства и сотрудники издательств, которые, публикуя книги, осуществляют выбор, что *стоит* публиковать, участвуя в процессе признания определенных тем и жанров.

Во-вторых, в категорию экспертов попадают библиотекари, которые решают, какие из новинок детской литературы попадут в их фонд. Кроме того, именно сотрудники библиотек имеют непосредственный контакт с родителями: они рекомендуют и советуют

книги в соответствии со своими профессиональными знаниями и личными предпочтениями.

В-третьих, экспертные сообщества могут влиять и виртуально. Все чаще современные родители обращаются к Интернету, чтобы узнать, какие книги стоит читать ребенку. Поэтому родители группируются в интернет-сообщества, посвященные выбору детской литературы, — это отдельные сайты, ресурсы или группы в социальных сетях. Ребенок от трех до шести лет может ходить в детский сад или в кружки для подготовки к школе. Отсюда — еще одна группа экспертов — педагоги и воспитатели детских садов, которые читают детям в течение дня, не только руководствуясь образовательной программой своего дошкольного образовательного учреждения (пример такой программы [Программа 2006]), но и советуют родителям, что следует почитать детям в дополнение к основным произведениям, прочитанным в детском саду.

Подытоживая, можно сказать, что всех экспертов в области детской литературы мы можем классифицировать по обладанию специальным знанием: (а) эксперты с профессиональным образованием (педагоги, учителя дошкольных образовательных учреждений, методисты, библиотекари с высшим образованием), (б) эксперты без профессионального образования, но с опытом работы (продавцы книжных магазинов, воспитатели в детском саду, няни, сотрудники издательств), (в) эксперты-любители, или компетентные непрофессионалы (родители, ведущие блоги, организаторы форумов по выбору детской литературы, модераторы страниц в социальных сетях).

ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ВЫБОРЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И СИСТЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

У экспертов и родителей существуют определенные предпочтения в области детской литературы: одни произведения воспринимаются ими в позитивных оценочных категориях — как «хорошие», «качественные», «лучшие», в то время как другие сопровождаются негативными оценками, воспринимаются как «плохие», «некачественные».

Однако возникает ряд вопросов: как формируются эти предпочтения? Почему разные группы людей имеют свое видение того, что нужно читать, почему по-разному видят, какие произведения являются благоприятными для развития ребенка, а какие, наоборот, — нежелательными? И, наконец, почему различные группы

людей предлагают разные (а зачастую и противоположные) представления как «саму собой разумеющуюся реальность»? [Бергер Лукман 1995, с. 36]

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер Лукман 1995]. Так, согласно этой теории, системы представлений индивидов по поводу того или иного феномена сконструированы и являются различными смысловыми универсумами, которые поддерживаются группами людей. Каждая группа желает видеть свою систему в качестве главенствующей, поэтому, с одной стороны, между группами возникает конкуренция, а с другой — происходит процесс легитимации, когда каждая группа пытается доказать исключительность своего понимания реальности [Бергер Лукман 1995, с. 38–141].

Процесс формирования предпочтений в выборе детской художественной литературы также видится нам как борьба конкурирующих представлений — о том, что такое *правильная, хорошая, полезная и нужная* детская художественная литература. Мы утверждаем, что эти предпочтения формируются под влиянием представлений, напрямую не связанных с детской литературой, но выражающих отношение к детству, нравственности и образованию.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФРЕЙМЫ

Было выявлено две противоположные системы представлений, определяющие предпочтения в выборе детской художественной литературы, что позволило нам выделить два фрейма — консервативный и либеральный, которые конкурируют за право быть «объективной реальностью».

Фрейм-анализ текста был концептуализирован Р. Энтманом [Entman 1993], который, в свою очередь, опирался на теорию фреймов И. Гофмана [Гофман 2003] и интерпретацию фреймов Г. Бейтсона [Bateson 1995]. Фрейм в тексте — это дискурсивно выраженная система представлений, смысловая рамка, которая производит схемы интерпретации феноменов социальной реальности. Фрейм является способом выделения определенной информации из общего объема текста, что делает эту информацию более заметной, значимой или запоминаемой для окружающих [Entman 1993, p. 53].

Фрейм можно опознать по присутствию одних слов и отсутствию других, поскольку фреймы привлекают внимание к определенным аспектам социальной реальности, обходя стороной

другие ее элементы [Entman 1993, p. 55]. Выделяя определенные темы и аспекты в своей речи и текстах, акторы продвигают свое видение объекта, оценивают его, объясняют причины его возникновения и существования и дают рекомендации по поводу выделенных тем.

Консервативный фрейм можно определить по наличию лейт-мотивов вреда и (без)опасности, которые подчеркивают, что определенные темы в произведениях детской художественной литературы могут *нанести вред* ребенку и его психике, *негативно влиять* на его развитие.

Определенные произведения воспринимаются как представляющие опасность, поскольку они знакомят с *опасными* аспектами социальной жизни или *нежелательными* практиками. *Небезопасной* книгой, по мнению одной мамы, является «Карлсон» Астрид Линдгрен. Это мотивируется тем, что главный герой живет на крыше [ж, 32, д: м, 8, ж, 5]¹, что может заинтересовать ребенка и сделать опасную практику привлекательной для него.

Одним из дискурсов, включенных в консервативный фрейм, является охранительный дискурс: необходимо *оберегать* ребенка от «взрослых» проблем, *оградить* его от всего *плохого*, с чем он может столкнуться в мире, — насилия, жестокости, проблем в семье и др. Говоря о том, что необходимо оградить от чего-то ребенка, акторы, использующие этот дискурс, определяют это «что-то», то есть предлагают свое видение социальных проблем, доступ ребенка к которым посредством детской литературы должен быть ограничен («Надо же, что может быть написано в детской книге! <...> Жесть. В общем, я за цензуру» [Бобрецова]. Социальная реальность видится как проблемная и не идеальная, мыслится как мир взрослого. Ребенок же, согласно охранительному дискурсу, не должен иметь доступ в этот мир, поэтому тематика произведений детской художественной литературы ограничивается «светлым» и «добрым»: показываться должен идеализированный и утопичный вариант взрослой реальности жизни.

Охранительный дискурс прослеживался и в интервью с родителями. Например, описывая «хорошие» или «правильные» с их точки зрения книги, родители идут «от противного», описывая то, какой книга быть не должна. Так, для некоторых родителей важно, чтобы книга была *доброй*, чтобы это были «не какие-то *страшилки* или какие-то фантазии *слишком бурные* в сказке» (здесь и далее курсив автора. — В. Б.) [ж, 32, д: м, 8, ж, 5].

Использование охранительного дискурса является главным способом аргументации деятельности родительского объединения «Ответственные родители», которое позиционирует себя как экспертное сообщество². Это сообщество является наиболее радикальным примером задействия консервативного фрейма в объяснении своих предпочтений в выборе детской художественной литературы. В качестве основы для своей деятельности объединение видит Федеральный закон 436 о защите детей от *вредной* информации [Федеральный закон 2010]. При этом на своем сайте создатели используют слово «*вредоносная*», что имеет более негативное звучание. «Вредоносная информация», которая, по мнению объединения, может быть представлена, в том числе и в детской художественной литературе, воспринимается как «натиск», «массированная атака», «воздействие», поскольку может содержать в себе «насилие» и «страдания» [Ответственные родители]. Здесь актуализируется риторика неразумности, о которой говорили П. Ибарра и Д. Китсьюз [Ибарра Китсьюз 2007, с. 81]. Дети понимаются как несформированные, неразумные, уязвимые, знающие по определению меньше родителей, поэтому именно родители должны их опекать и защищать.

Дети при этом воспринимаются как поколение («подростающее поколение»), «члены общества», которые должны быть ему «полезны». Благополучие детей связывается с благополучием всей «нации», а отсюда — защита детей видится как защита России.

Следовательно, «ответственные родители» берут на себя роль «защитников». Ибарра и Китсьюз показали, что понятие «защиты» используется в рамках дискурса исправления и «актуализирует героизм спасителя» [Ибарра Китсьюз 2007, с. 75], которыми в консервативном фрейме будут лица, установившие маркер, указывающий на возрастное ограничение. «Ответственные родители» отводят себе особую роль: они должны стоять «на страже» — «противостоять» негативным факторам, «оградить» от них, «дать морально окрепнуть» детям и «постепенно погружать» детей в «объективную» (по их мнению — полную проблем) реальность, чтобы «направить» детей на «правильную дорогу добра».

Таким образом, консервативный фрейм характеризуется присутствием охранительного дискурса, лейтмотивов вреда и безопасности и, как следствие, обязанностью родителя является защита ребенка от не подходящей ему по возрасту и уровню развития детской литературы.

Либеральный фрейм вторичен по отношению к консервативному, поскольку представляет собой своего рода ответ на последний. Например, в либеральном фрейме консервативная позиция может описываться негативно или с использованием иронии: «Мне приходилось слышать неодобрительные отзывы: дескать, говоря о разводе, вы вырабатываете у детей неправильные стереотипы. И уж совсем *не принято* у нас упоминать в детских книжках о смерти. *Не дай бог*, травмируешь ребенка!» [Балахонова].

Повествование может строиться с помощью отсылки к противоположному дискурсу, после чего идет несогласие с ним и аргументация собственной позиции — например, использование личного опыта. Такой способ высказывания П. Ибарра и Д. Китсьюз называют контрриторикой, то есть дискурсивной стратегией противодействия риторике, что, как утверждают авторы, направлено не столько против определенных «ценностей», сколько против их релевантности для данного контекста [Ибарра Китсьюз 2007, с. 70]. «*Говорят*, в детских иллюстрациях нельзя рисовать кровь. *Но меня* в детстве кровавые картинки не пугали» [Зинько]. В данном случае использовалась контрриторика опровергающих историй, которая является «типичным просторечным способом ответа на риторiku опасности» [Ибарра Китсьюз 2007, с. 79] и предполагает дискредитацию представлений противоположной стороны с помощью личного примера.

В случае либерального фрейма используются и слова, характерные для охранительного дискурса («оберегать», «охранять», «нанести вред»), однако описываемое отнесено в прошлое (о чем, помимо времени глагола, говорят особые маркеры: «прежде», «ранее» и т. п.), рассказывается о том, что *было* и что *не должно быть* характерно для *современной* реальности: «Взрослые *всегда старались* оберегать мир ребенка от всего, что может повредить его неокрепшей психике...»; «Писатели заговорили с детьми <...> на такие *прежде запретные* темы, как развод родителей, смерть, тяжелая болезнь. <...> и отечественные авторы уже в 90-е гг. стали открыто упоминать о многом, что *прежде было табу*» [Балахонова].

Таким образом акцент переносится на современное, актуальное и новое в противопоставлении традиционному и тому, что «некогда существовало» («<издательский дом> “Самокат” выпустил эту книжку <...>. То, чего у нас тогда еще не было» [Орлова]. В отличие от новой литературы, «классические» произведения воспри-

нимаются как «накатанная дорога» и «трехколесный велосипед», с которого *«стоит пересесть точно»*. «Тяжело пересесть с трехколесного велосипеда на двухколесный велосипед и поехать *по своему пути*, потому что *есть накатанная дорога* “Теремка”, “Колобка”, пестушек и всего остального <...>, но вот на него стоит пересесть точно, потому что тогда это будет доставлять удовольствие» [Орлова].

Такого рода повествование можно назвать дискурсом изменений, который является одним из дискурсов, используемых внутри либерального фрейма. В качестве своей задачи эксперты и родители видят изменение существующего порядка — консервативного подхода к детству. Эти намерения проговаривают эксперты: «отношение к детям и у нас постепенно начинает изменяться... <...> Хочется верить, что в этих изменениях есть и наша заслуга...» [Балахонова]. Эксперты ставят себя в позицию «просветителей, строителей незримых мостов между взрослыми и детьми, между культурами», в качестве которых могут выступать «педагоги, издатели, правозащитники», «пытающиеся расшевелить общество» [Балахонова].

Изменения должны заключаться, прежде всего, в расширении границы нормы, в частности, в расширении допустимой тематики произведений. Так, даже в дошкольной литературе можно встретить такую непростую для разговора с ребенком тему, как развод. Например, книга «Принцесса Анна», которая повествует «о том, как король с королевой соответственно расходятся и делят королевство на 2 части, а посередине возводят огромную стену, через которую дочке надо постоянно переползать, чтобы то к маме, то к папе переходить <...>. Тяжелая тема. Надо ли о ней говорить? Если ситуация в семье есть — надо» [руководитель интернет-портала]. К потенциальной проблеме в семье относится тема появления младшего брата или сестры. («Потому что это, казалось бы, крутая такая тема, хорошее событие — рождение малыша, но по факту во многих семьях — это беда, потому что дети очень ревностно относятся к появлению малыша. И кто бы знал бы вообще в стране, что у нас есть книги на эти темы, не для родителей, а для детей, которые они могут пережить вместе с героем. Ситуацию появления малыша») [руководитель интернет-портала].

Как мы видим, изменения связываются с ориентацией на мировой, и прежде всего западный, опыт: («приехав в Россию обратнo, она [Ирина Балахонова] просто поняла, что здесь *блокада*

просто, еще читают Чуковского и Барто, тогда как дети *всею мира* уже давно читают *другую* литературу, которая их интересует») [Орлова]. Возникают и новые заимствованные термины, часто используемые носителями либерального фрейма. Например, «виммельбух» — книга, в которой присутствуют исключительно изображения с мелкими деталями, которые предполагается рассматривать ребенку вместе с родителем: «вот тут я вам показываю книгу, с которой практически появился жанр “виммультбух”. Переводится это как мельтешащая книга, но известная она даже в России как виммельбух — так ее и называют», или «сторителлинг» (от англ.: *storytelling* — повествование, рассказ истории): «это важная штука, потому что это мамин сторителлинг так называемый...» [Орлова].

Также родители, мыслящие в духе либерального фрейма, могут покупать ребенку иностранные книги (причем, не только переводные, но и книги на иностранном языке): «Мама Егора Оля, будучи филологом по образованию, разговаривает с ним только на итальянском языке. Мы имитируем билингво-семью, поэтому у нас достаточно много книг на итальянском, привезенных из разных путешествий» [Шарко]; «А вот иностранные книжки. На английском. Мы вот сейчас ездили отдыхать вместе всей семьей, он по приезде оттуда шпрехал у меня на трех языках: арабском, английском и русском. Папа египтянин у нас. <...> Он, когда смотрит, он уже по книжке запоминает слова» [ж, 32; д: м, 3].

Еще одна отличительная особенность либерального фрейма — ребенок в нем воспринимается как мыслящий индивид, к мнению которого нужно прислушиваться. Родителям и экспертам, использующим либеральный дискурс, свойственен детоцентризм: мнение ребенка ценится и его личные интересы принимаются во внимание.

Ребенок воспринимается равным взрослому. Это подтверждается и лексическим выбором, когда в тех случаях, когда можно сказать «ребенок», говорится «человек», таким образом, игнорируются возраст и иерархия («Вот что такое книга для человека до трех лет»; «ну постой, ты мне мешаешь, человек (девочка около 3 лет. — В. Б.), а я представляю, как тебе скучно» [Орлова]).

Как следствие, родитель инициирует диалог с ребенком: «взрослые все больше видят в них [детях (прим. автора. — В. Б.)] отдельные, самостоятельные личности, пытаются наладить диалог как с равными» [Балахонова], «хороший способ поговорить вообще, вывести на разговор ребенка. А вроде сложная тема, а вроде за-

чем — пусть принимает как есть, вот есть у него младшая сестра или младший брат — все. На самом деле, для них это бывает часто стресс. И вот хороший повод с ними заговорить об этом — показать такую книгу» [руководитель интернет портала].

Детоцентричность заключается в том, что произведения детской художественной литературы должны касаться проблем, с которыми может столкнуться ребенок: «дети должны больше читать о самих себе, о своем времени, о героях, которые похожи на них, с похожими проблемами» [Балахонова]; «Надо ли о ней говорить? Если ситуация в семье есть — надо. Если ситуации нет — не надо», «Вот в 3–6 там более прикладные вещи, как развод, как младший брат-сестра» [руководитель интернет-портала].

В либеральном фрейме задача родителя мыслится следующим образом — сделать ребенка счастливым, а книга является одним из способов осуществления этой задачи («...ребенку, там, 6 лет, он пристает к тебе с динозаврами, и ты должен сделать его счастливым. Ты идешь, выбираешь “6 лет”, “динозавры” и все, что про них есть...» [руководитель интернет-портала].

Стоит отметить, что лейтмотив счастья довольно часто встречается у экспертов, использующих либеральный фрейм, при характеристике детской художественной литературы («надо писать с ощущением счастья» [Махотин]; «Просто если родителя зажигает книжка с этими глазами, то значит она зажжет и ребенка, значит, они зажгли друг друга — все: книга, родитель и ребенок. И они счастливы. И это главное» [руководитель интернет портала].

Близко к лейтмотиву счастья стоит и категория удовольствия. Некоторые эксперты отмечают, что читать нужно только ту литературу, которая доставляет родителю и ребенку удовольствие: «Если вам не доставляет удовольствие “Курочка Ряба”, “Теремок”, и “Колобок”, то вы их совершенно не обязаны читать» [Орлова].

Либеральный фрейм характеризуется использованием контрриторических стратегий, направленных на изменение порядка, утвержденного консерваторами.

КОНКУРЕНЦИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО И ЛИБЕРАЛЬНОГО ФРЕЙМОВ

Таким образом, существует два разных способа описания и интерпретации одной и той же социальной реальности, которые отражаются в консервативном и либеральном фреймах, конкурирующих

за право на истинность. «В столкновении альтернативных символических универсумов заключена проблема власти: какое из противоречащих друг другу определений реальности “победит” в обществе» [Бергер Лукман 1993, с. 172].

Конкуренция различных представлений может быть отражена в дискурсе говорящего. Например, может описываться противоположная точка зрения (чаще — в негативных категориях), а после этого даваться собственные представления о реальности: «проблема еще в том, что наш Минздрав рекомендует. Это тоже есть очень *подозрительная* такая штука. Это я прям тоже себе говорю, потому что все рекомендации, они тоже, они все на любое “за” находится точно такое же известное “против”» [Орлова]. Как мы показали выше, либеральный фрейм зачастую использует контрриторику, противопоставляя себя консервативному фрейму. Это демонстрирует конкуренцию интерпретаций социальной реальности. Так, может привлекаться «несочувствующая контрриторическая стратегия», когда не принимается определение феномена в качестве проблемы и, как следствие, не принимаются действия по исправлению ситуации [Ибарра Китсьюз 2007, с. 89]. («Ну потому что у нас *от чего-то* все время детей *берегут*. Потому что, *видимо*, придется к тому, что они не умеют ни сопереживать, ни сожалеть, ничего. *Если их так ограничивать*. Ну издательства по-разному с этим *борются*» [руководитель интернет-портала].

Другой способ выявить противоположные представления — наблюдать за дискуссиями. Один из примеров конкурентной борьбы мы зафиксировали в ходе включенного наблюдения во время лекции финского автора и владелицы детского книжного магазина Леены Виртанен «Такие разные дети и такие разные родители: как изменения в семье видны в детской литературе в Финляндии», которая проходила в Консульстве Финляндской Республики в Санкт-Петербурге 16 марта 2015 г. После повествования лектора о финской литературе слушательница из зала высказала следующий комментарий:

...из того, что я услышала, у меня сложилось впечатление, что литература детская финская как-то насыщена неблагополучием, то есть нет мамы, нет папы, мама где-то путешествует, ребенка неизвестно кто растит. <...>. я вот что хочу сказать — неужели нельзя создать какое-то произведение доброе, теплое, где была бы показана нормальная семья, где есть мама, папа, дедушки, бабушки, где есть традиции <...> А плохое дети обязательно узнают, и этим плохим полон сегодня наш мир

по завязку. Понимаете, эти темные стороны рано или поздно откроются им обязательно, но изначально должно быть заложено доброе зерно, понимаете, любовь к ребенку, а не то... (перебили: хорошо,) а не только под забором трава какая-то [ж., ок. 55 лет].

В это высказывании мы видим охранительную трактовку социальной реальности, в частности, категорий нормальной семьи («где есть мама, папа, дедушка, бабушка»), которая включает в себя традиции, что характерно для консервативного фрейма. Также комментатор определил рамки неблагополучия, связанного с семейной проблематикой («нет мамы, нет папы, мама где-то путешествует, ребенка неизвестно кто растит»). После этого было предложено решение данных проблем, которое заключается в том, чтобы ограничить доступ ребенка к информации, содержащей «ненормальность», «неблагополучие» и «темные стороны». Наоборот, предлагается показывать ребенку сначала «доброе» и «теплое».

Противоположная точка зрения, использующая либеральный фрейм, предполагает, что спектр даваемых ребенку тем не должен ограничиваться. Книга видится не как *отражение* утопической, создаваемой родителями реальности, а «объективной» реальности. Следующее выражение, высказанное Лееной Виртанен со ссылкой на финское исследование, представляет собой квинтэссенцию этого противоположного подхода: «Прежде всего, детская книга должна быть *зеркалом* или она должна быть *окном*, в котором ребенок увидит, выглянет из которого и увидит окружающий мир, или она должна быть *дверью*, через которую ребенок может выйти и общаться с окружающим миром, вести диалог» [Виртанен]. С помощью метафор зеркала, окна и двери была показана роль книги и отношение к тематике, которую нужно презентовать детям с помощью детской литературы.

Интересно, что одна из книг, которая упоминалась во время дискуссии, вызвала бурное обсуждение на сайте интернет-магазина «Лабиринт» [Лабиринт]. Среди отзывов можно встретить аналогичную аргументацию, где две крайние позиции попадают в консервативный или либеральный фрейм. Использовался охранительный дискурс (консервативный фрейм). Например, он выражался с помощью конструкции «*надо ли ребенку знать*», которая отражает необходимость в цензуровании детского чтения. Книга «Веста-Линнея и капризная мама», с одной стороны, описывалась как несерьезная («читать нечего. Ребенок привык к более серьезным вещам»), злая («героини постоянно *ОРУТ и ЗЛОБНО* (выде-

ление заглавными буквами соблюдено — прим. автора — В. Б.) смотрят. РЫЧАТ...»), чужая («бессмыслица с “ненашим” менталитетом»), гадкая («мне было ее гадко читать»), в связи с чем было высказано сожаление о приобретении книги («жалко денег»). Некоторые родители отмечали, что не стали давать ребенку такую книгу («прочитать ее своим детям так и не решилась»; «я эту книгу тоже выбросила», «не смогла дочитать»).

С другой стороны, сторонники противоположного дискурса хвалили книгу, поскольку она обладает терапевтическим эффектом («купить эту книгу легче и дешевле, чем сходить вместе к психологу, а эффект не меньший, а то и больший»), которая может помочь ребенку усвоить, «что каждый человек может сорваться и наговорить такого, о чем потом будет жалеть. О том, что ни дети, ни родители — не *ангелы в белых одеждах с карамельно-сиропным словарным запасом*» [Лабиринт].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпочтения в выборе детской литературы являются результатом различных мировоззренческих и педагогических установок. Официальный закон о маркировке контента, поддерживаемый представителями консервативного фрейма, которые используют охранительный дискурс, устанавливает границы в том, что касается информации, поступающей детям.

Выделенные нами два фрейма — консервативный и либеральный — содержат в себе разные представления относительно «правильной» и «хорошей литературы». Если родители и эксперты, использующие консервативный фрейм, настаивают на фильтрации информации, которая поступает ребенку, сильно ограничивая его доступ к произведениям детской литературы, которые, как они полагают, может представлять опасность, то в либеральном фрейме эта позиция смягчается, а существующий порядок вещей не воспринимается как приемлемый. Менять его предполагается с помощью расширения спектра предлагаемых тем и жанров уже в литературе для дошкольников. По мнению использующих либеральный фрейм, даже «взрослые» темы адаптируются под литературу для маленьких, и родителю предлагается инициировать диалог с ребенком о проблемных вопросах, которые затрагиваются в книге.

Примечания

¹ Здесь и далее принята система сокращения: 1. Женщина, 32 года; дети: мальчик, 8 лет, девочка, 5 лет (*интервью*), [ж, 32, д: м, 8, ж, 5]; 2. Женщина, 32 года; дети: мальчик, 3 года (*интервью*), [ж, 32, д: м, 3]; 3. Руководитель интернет-портала по выбору детской литературы, эксперт (*интервью*).

² Есть данные, что это псевдосообщество, а контент сайта сообщества создан как пародия на рассматриваемый дискурс. Тем не менее, позволим себе его рассмотреть как радикальный пример охранительного дискурса.

Источники

Балахонова И. Новые детские книги — мосты между взрослыми и детьми // Иностранная литература. № 5. 2011. (*опубликованное интервью*). URL: <http://www.samokatbook.ru/ru/press/view/23> (дата обращения: 22.05.2015)

Бобрецова А. Проверьте, что ваши дети приносят библиотеки. URL: <http://7x7-journal.ru/post/57349> (дата обращения: 22.05.2015). *Виртанен Л.* Такие разные дети и такие разные родители. Как изменения в семье видны в детской литературе Финляндии». Дата и место проведения: 16.03.2015, Генеральное консульство Финляндии в Санкт-Петербурге (публичная лекция, наблюдение).

Зинько Г. Мои иллюстрации похожи на меня, как дети на родителей. URL: <http://kidsbookia.ru/blog/intervyu/galya-zinko-moi-illyustracii-pohozhi-na-menya-kak-deti-na-roditeley-intervyu> (дата обращения: 09.10.2016)

«*Лабиринт*», страница отзывов к книге «Веста-Линнея и капризная мама». URL: <http://www.labyrinth.ru/reviews/goods/175389> (дата обращения: 22.05.2015)

Махотин С. Когда пишешь для детей, ты их любишь! А это уже счастье. URL: <http://kidsbookia.ru/blog/intervyu/sergey-mahotin-kogda-pishesh-dlya-detey-ty-ih-lyubish-eto-uzhe-schaste-intervyu> (дата обращения: 22.05.2015)

Орлова М. Формирование детской книжной полки от 0 до 3 лет». Дата и место проведения: 28.03.2014, фотостудия «Inquadra», Санкт-Петербург (публичная лекция, включенное наблюдение).

«*Ответственные родители*». Сайт объединения. URL: <http://www.zakon436.ru> (дата обращения: 22.05.2015)

Основная образовательная программа ГБДОУ детского сада № 78 «Жемчужинка». 2006. URL: <http://ds78spb.ru/p20/index.html> (дата обращения 03.09.2016)

Шарко Т. Что читать с ребенком 3 лет? Книжная полка билинго-семьи. 28.04.2015 (*интернет-интервью*). URL: <http://kidsbookia.ru/blog/lichnyy-opyt/chto-chitat-s-rebenkom-3-let-knizhnaya-polka-bilingvo-semi> (дата обращения: 28.05.2015)

Исследования

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Ибарра П., Китсьюз Д. Дискурс выдвигания утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2007.

Лучкина О. Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и другие // Детские чтения. Т. 2. № 2. 2012.

Поклонников А. А. «Hidden curriculum» и продуктивность образования // Вестник Томского государственного университета. № 359. 2012.

Спиридонов Д. В. Нарратив массовой литературы в пространстве повседневности: диегесис как мимесис // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 4. Т. 1. 2011.

Троян Я. В. , Кулошин Я. А. Трансформация структуры рынка детской литературы // Перспектива–2014: Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Т. 3. Нальчик. 2014.

Чудинова В. П. Литературная социализация детей и подростков: негативные процессы // Социологические исследования. 1992. № 2, с. 83–89.

Шпаковская Л. Л. Дискурсивные практики родительства: политические вызовы и актуальные проблемы // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. № 1 (21). 2013.

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» URL: <http://www.rg.ru/2010/12/31/deti-inform-dok.html> (дата обращения: 22.05.2015)

Bateson G. A Theory of Play and Fantasy // APA Psychiatric Research Reports. Vol. 2. 1955.

Entman, R. M. Framing: towards clarification of a fractured paradigm. Journal of communication 43 (4), 51–58.

MacLeod A. S. Censorship and children's literature // The Library Quarterly, Vol. 53:1. 1983. P 26–38.

McNair J. C. “It was like a book buffet!” Parents and Children Selecting African American Children's Literature Together // The Journal of Negro Education. Vol. 80. № 2. 2011. P. 163–175.

Sarland C. Critical tradition and ideological positioning / Understanding children's literature, P. Hunt (editor). NY: Routledge. 2005.